

Лосский В. Н.

О третьем свойстве Церкви

Мы веруем во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Таково христианское предание о Церкви, преподанное отцами, утвержденное Соборами, хранимое на протяжении веков христианским миром.

Ни один верующий никогда не усомнится в исповедании этих четырех свойств Церкви: их истинность он ощущает тем инстинктом истины, той свойственной каждому сыну Церкви способностью, которую хочется назвать врожденной, — инстинктом или способностью, что именуют верой. И мы понимаем или, по крайней мере, чувствуем — может быть, не очень четко, но твердо, — что Церковь без какого-либо одного из этих свойств не была бы Церковью, что только гармоничное соединение этих четырех качеств, исповедуемых в Символе веры, выражает всю полноту ее бытия. Но когда требуется строго формулировать и различать данные свойства, определять специфический характер каждого из них, мы часто вступаем на путь слишком общих определений, порождающих неясность, придаем этим свойствам одинаковый смысл и невольно смешиваем их, между тем как в Символе веры они так точны и определены.

Чаще всего это происходит тогда, когда мы пытаемся определить третье свойство Церкви — соборность¹. Именно здесь, как мы чувствуем, стянут узел всех трудностей. Поскольку нет еще совершенно ясного определения понятия соборности, мы неизбежно запутываемся в смешениях, затрудняющих логическое различение свойств Церкви, или же, если мы хотим избежать всех трудностей, блюдя законы логики, это различение остается поверхностным, случайным и искусственным. Но нет ничего более пагубного, более чуждого подлинному богословию, чем поверхностная ясность, достигаемая в ущерб глубокому анализу.

Всякое логическое различение предполагает не только разницу между определяемыми понятиями, но также и некоторое согласие между ними.

Совершенно очевидно, что четыре свойства Церкви находятся в таком гармоничном сочетании, что, упразднив или изменив характер одного члена этого четверочастного различия, мы упраздним само понятие Церкви или же глубоко его изменим, от чего изменится характер и других его свойств.

Действительно, невозможно представить себе Церковь без свойства единства. Об этом сказал апостол Павел коринфянам, среди которых возникли разделения: «"я Павлов"; "я Аполлосов"; "я Кифин"; "а я Христов". Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?» (1 Кор. 1, 12-13). Без единства Тела Христа, Который разделиться не может, не могут существовать и остальные свойства — святость, соборность, апостоличность. Нет больше Церкви, а есть разделенное человечество — человечество вавилонского столпотворения.

Церковь немислима и без свойства святости. «Мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой», — сказали апостолу Павлу некоторые ученики из Ефеса, крестившиеся крещением Иоанновым, крещением покаяния (Деян. 19, 2-7). Лишившись того, что является источником и одновременно конечной целью ее существования, Церковь не была бы уже Церковью. Это было бы не Тело Христово, а какое-то иное мистическое тело, тело, лишенное духа и всё же существующее; предоставленное мраку смерти, но еще ожидающее своей конечной участи; таково мистическое тело Израиля, не узнавшего осуществления обетования Духа Святого.

Нельзя также лишить Церковь свойства апостоличности, не уничтожив одновременно других ее свойств и самую Церковь как конкретную историческую реальность. Чем была бы Церковь без божественной власти, дарованной Воскресшим Богочеловеком апостолам (Ин. 20, 22-23) и передаваемой их преемниками вплоть до наших дней? Это был бы, с одной стороны, призрак «небесной церкви», бестелесный, абстрактный и ненужный, а с другой стороны, это было бы множество сект, пытающихся воспроизвести «евангельский дух» вне всякой объективности, обреченных на произвол своего «свободного исследования», своих бесконтрольных смутных духовных состояний.

Если единство Церкви основано на том, что она — Тело, Глава которого — Христос (Еф. 1, 22-23), если ее святость, «полнота Наполняющего всё во всё» (там же) — от Духа Святого, если ее апостоличность заключается в силе Того же Духа, Которого даровал Христос апостолам в Своем дуновении (Ин. 20, 22) и Который передается их преемникам, то, недооценивая или изменяя одно из этих трех свойств, мы упраздняем или изменяем самую сущность Церкви. То же самое следует сказать и о соборности — том свойстве, которое и составляет предмет нашего исследования.

Чтобы лучше понять, что такое соборность, мы опять пойдем апофатическим путем. Попытаемся представить себе, чем была бы Церковь без соборности. Представить себе это, конечно, невозможно, потому что, как мы уже сказали, все четыре свойства Церкви взаимно друг друга утверждают и не могут существовать одно без другого. Однако, устраняя поочередно три других свойства, мы уже попытались начертать три различных образа того, чем оказалась бы Церковь, если бы она не была полностью тем, что она есть. Теперь нам предстоит рассмотреть, в каком именно смысле Церковь не была бы Церковью, каков был бы «образ ее несуществования», если бы можно было вообразить Церковь единую, святую, апостольскую, но не соборную.

Едва поставив такой вопрос, мы сразу же увидим, как образуется зияющая пустота: такая Церковь была бы Церковью без Истины, без точного знания Откровения, без сознательного и непреложного опыта тайн божественных. Если бы она всё же сохранила свое единство, это было бы единство множества мнений, порожденных различными человеческими культурами и образами мышления, единство, имеющее в своей основе административное принуждение или релятивистское безразличие. Если бы эта Церковь, лишенная уверенности в истине, сохранила святость, это была бы святость бессознательная — путь к освящению, покрытый мраком, в неведении того, что есть благодать. Если бы она сохранила апостоличность, это было бы лишь слепой верностью абстрактному принципу, лишенному внутреннего смысла. Итак, мы верим, что соборность является неотъемлемым свойством Церкви постольку, поскольку она обладает истиной. Можно даже сказать, что соборность, кафоличность, есть качество христианской истины. Действительно, мы говорим «кафолический догмат», «кафолическое вероучение», «кафолическая истина», часто употребляя этот термин наряду с термином «всеобщий», который к нему очень близок. Однако можно было бы

спросить себя: означает ли соборность просто всеобщность истины, проповедуемой Церковью «во всей вселенной»? В какой-то мере это так: внешне «соборность» и «всеобщность» совпадают. Тем не менее, мы должны признать, что эти два термина (соборность и всеобщность) не вполне синонимы, несмотря на тот смысл, в каком эллинистическая древность употребляла прилагательное *καθολικός*. Этимология не всегда может быть путеводной звездой в сферах умозрительного. Философ рискует потерять истинный смысл понятия, если будет слишком связывать себя его словесным выражением; тем более это относится к богослову, который должен быть свободен даже от понятий, ибо он стоит перед реальностями, превосходящими всякую человеческую мысль.

Для нас совершенно неоспоримо, что слово «кафолический» (соборный) получило новый смысл, смысл христианский, в языке Церкви, которая сделала его специальным термином, обозначающим реальность, отличную от той, которая связывается с общепринятым понятием «всеобщий»; «соборный» означает нечто более конкретное, более внутреннее, неотделимое от самого существа Церкви. Действительно, каждую истину можно назвать всеобщей, но не всякая истина есть истина кафолическая, соборная. Термин этот обозначает именно истину христианскую, свойственный Церкви способ познания этой истины, учение, которое она формулирует. Может быть, «соборность» можно понимать как «всеобщность» в более узком и специальном значении этого слова, в значении всеобщности христианской? Это можно допустить, но всё же с некоторой оговоркой: термин «всеобщность» слишком абстрактен, а соборность — конкретна.

Мнения или истины, которые называют «всеобщими», — это мнения или истины, принятые всеми, «общие» для всех без исключения. Совершенно очевидно, что христианская соборность-всеобщность не может пониматься в этом смысле. Однако иногда пытаются отождествлять кафоличность с распространением Церкви по всему миру, среди всех народов земли. Если принять это определение буквально, пришлось бы признать, что Церковь учеников, собравшихся в Сионской горнице в день Пятидесятницы, была отнюдь не соборной и что она стала соборной только в современную эпоху, да и то еще не в полной мере. Но мы твердо знаем, что Церковь всегда была соборной. Следовательно, надо делать различие между соборностью фактической (всеобщим, универсальным характером христианства) и соборностью потенциальной (христианским универсализмом), всеобщей открытостью Церкви и ее благовестия, обращенного ко всей вселенной, ко всему человечеству, которое должно его принять, должно войти в Церковь. Это очевидно. И, тем не менее, мы испытываем какое-то неудовлетворение, когда решаемся видеть в соборности Церкви всего лишь некое потенциальное качество.

Действительно, если мы отождествим соборность Церкви со всеобщим характером христианской миссии, нам придется признать свойство соборности не только за христианством, но и за другими религиями. Впечатляющее распространение буддизма по всей Азии, сокрушительные победы ислама оказались возможными благодаря тому, что последователи этих религий обладали ясным сознанием всемирного характера своей миссии. Можно говорить о буддийском или мусульманском универсализме, но можно ли когда-либо назвать эти религии «соборными»? Не является ли соборность исключительной принадлежностью Церкви, ее основной характерной особенностью?

Если это так, то надо решительно отказаться от простого отождествления понятий «соборный» и «всеобщий». «Христианскую всеобщность» — фактическую всеобщность или потенциальный универсализм — следует отличать от соборности.

Они следствие, необходимо вытекающее из соборности Церкви и неотделимо с соборностью Церкви связанное, так как это есть не что иное, как ее внешнее, материальное выражение. Данное свойство с первых веков жизни Церкви стали называть «вселенским», причем «вселенная» — это греческое οἰκουμένη.

«Ойкумена» в понимании древней Эллады означала «обитаемую землю», мир известный, в противоположность неисследованным пустыням, океану, окружающему населенный людьми «orbis terrarum», а также, может быть, и в противоположность неизвестным странам варваров.

«Ойкумена» первых веков христианства была преимущественно совокупностью стран греко-латинской культуры, стран Средиземноморского бассейна, территорией Римской империи. Вот отчего прилагательное οἰκουμηνικός («вселенский») стало определением Византии, «вселенской империи». Так как границы империи к эпохе Константина Великого более или менее совпадали с распространением Церкви, Церковь часто пользовалась термином «ойкуменикос». Он давался как почетный титул епископам двух столиц империи, Рима и, позднее, «Нового Рима» — Константинополя. Главным же образом этим термином определяли общецерковные соборы епископов вселенской империи. Словом «вселенский» обозначалось также то, что касалось всей церковной территории в целом, в противоположность тому, что имело только местное, локальное значение (например, поместный собор или местное почитание).

Здесь надо ясно понять разницу между «вселенскостью» и «соборностью». Церковь в целом именуется «вселенской», и это определение неприложимо к ее частям; но каждая часть Церкви может быть названа «соборной» — даже самая малая часть, даже только один верующий.

Когда преп. Максим, которого церковная традиция называет Исповедником, ответил тем, кто хотел принудить его причащаться с монофелитами: «Даже если бы вся вселенная ("ойкумена") причащалась с вами, я один не причащался бы», он «вселенной», которую считал пребывающей в ереси, противопоставлял свою соборность. Но что же такое эта соборность, которая может столь радикальным образом противопоставляться христианской всеобщности, обозначаемой термином «вселенское»?

* * *

Выше мы говорили, что соборность есть некое качество богооткровенной истины, данной Церкви. Можно сказать еще точнее: это дарованный Церкви способ познания истины, способ, благодаря которому эта истина становится достоверной для всей Церкви, — и для Церкви в целом, и для каждой из ее малейших частиц. Вот отчего обязанность защищать истину лежит на каждом члене Церкви, как на епископе, так и на мирянине, хотя епископы ответственны за нее в первую очередь — в силу принадлежащей им власти. Мирянину даже вменяется в обязанность противиться епископу, который предаёт истину и перестает хранить верность христианскому Преданию. Ибо соборность — это не абстрактный универсализм доктрины, выдвинутой иерархами, а живое Предание, хранимое всегда, повсюду и всеми — quod semper, quod ubique, quod ab omnibus. Утверждать обратное значило бы смешивать соборность с апостолическостью, с данной апостолам и их преемникам властью вязать и решить, судить и определять, но тогда теряет свою силу внутренняя достоверность истины и Предание, охраняемое каждым, заменяется подчинением внешнему принципу. Не следует впасть и в противоположную ошибку, что происходит, когда

смешивают соборность со святостью и, придавая ей характер харизматический, видят в ней личное вдохновение святых, единственных истинно «соборных» свидетелей истины; это значило бы исповедовать заблуждение, подобное монтанизму, превращающее Церковь в некую мистическую секту. Соборность не определяется святостью, но святость невозможна без соборности. Соборная истина, хранимая всеми, обладает внутренней достоверностью, большей или меньшей для каждого человека, в той мере, в какой он действительно является членом Церкви и не отделяется — как индивидуум или как член какой-либо группы — от единства всех в Теле Христовом. Но тогда, могут нам сказать, соборность есть не что иное, как только функция единства Церкви, «универсальная распространенность принципов ее единства», как считает Ив Конгар и большинство тех богословов, которые смешивают эти два атрибута Церкви — единство и соборность.

Нельзя отрицать христологической предпосылки, лежащей в основе соборности: без нее соборность не могла бы существовать. Тем не менее, мы далеки от того, чтобы утверждать вместе с Конгаром, что кафоличность Главы Церкви есть принцип кафоличности самой Церкви.

Это христологическое обоснование соборности носит характер негативный: купленная Кровью Христа Церковь чиста от всякого порока, отделена от начал века сего, непричастна греху, не связана ни с какой внешней необходимостью, ни с каким естественным детерминизмом.

Единство Тела Христова — это среда, где истина может проявляться во всей полноте, без всяких ограничений, без всякого смешения с тем, что ей чуждо, что не истинно. Но одной только христологической предпосылки — единства воссозданной Христом человеческой природы — было бы недостаточно. Необходима другая, позитивная предпосылка для того, чтобы Церковь была не только «Телом Христовым», но также, как сказано в том же тексте апостола Павла, «полнотой Наполняющего всё во всём» (Еф. 1, 23). Сам Христос говорит это: «Огонь пришел Я низвести на землю» (Лк. 12, 49). Он пришел, чтобы Дух Святой мог сойти на Церковь. Обосновывать экклезиологию только Воплощением, видеть в Церкви, как очень часто говорят, только «продолжение Воплощения», продолжение дела Христа — значит забывать о Пятидесятнице и сводить дело Духа Святого к второстепенной роли Посланника Христова, осуществляющего связь между Главой и членами Тела. Но дело Духа Святого отлично от дела Христова, хотя и неотделимо от Него: вот почему Ириней Лионский, говоря о Сыне и Духе, называет их «двумя руками Отца», действующими в мире². Если мы хотим найти подлинное обоснование соборности, нельзя недооценивать пневматологической предпосылки Церкви, необходимо всецело принимать ее наравне с предпосылкой христологической.

Церковь есть дело Сына и Духа Святого, посланных в мир Отцом. Церковь как новое единство очищенной Христом человеческой природы, как единое Тело Христово, есть также и множественность лиц, каждое из которых получает дар Духа Святого. Дело Сына относится к общей для всех человеческой природе — это она искуплена, очищена, воссоздана Христом; дело Духа Святого обращено к личностям; Он сообщает каждой человеческой ипостаси в Церкви полноту благодати, превращая каждого члена Церкви в сознательного соработника (σύνεργος) Бога, личного свидетеля Истины. Вот почему в день Пятидесятницы Дух Святой явился во множественном пламени: отдельный огненный язык сошел на каждого присутствовавшего, и до сего дня огненный язык невидимо лично подается в таинстве миропомазания каждому, кто крещением приобщается единству Тела Христова. Соотношение в Церкви дела Христа и

дела Духа Святого может представиться нам в виде антиномии: Дух Святой разделяет (или различает) то, что Христос соединяет. Но совершенное согласие царит в этом различии и безграничное богатство является в этом единстве. Более того: без различения личностей не могло бы осуществиться единство природы — оно было бы подменено единством внешним, абстрактным, административным, которому слепо подчинялись бы члены некоего коллектива; но, с другой стороны, вне единства природы не было бы места для личностного многообразия, для расцвета личностей, которые превратились бы в свою противоположность: во взаимно угнетающих друг друга ограниченных индивидуумов.

Нет единства природы без разделения лиц, нет полного расцвета личности вне единства природы. Соборность заключается в совершенном согласии этих двух начал: единства и многообразия, природы и личностей.

* * *

Здесь мы подходим непосредственно к источнику соборности, к таинственному тождеству целого и его частей, к различению природы и лиц, к тому абсолютному тождеству, которое есть одновременно и абсолютное различие, — к изначальной тайне христианского Откровения, догмату о Пресвятой Троице. Если, как мы уже говорили, соборность есть качество христианской истины, мы можем теперь дать этому качеству определение. Это качество конкретно, потому что оно — само содержание христианской истины, откровения Пресвятой Троицы. Это догмат соборный по преимуществу, ибо от него ведет свое начало соборность Церкви. Бог-Троица может познаваться только в единоразличии соборной Церкви, а с другой стороны, Церковь обладает соборностью именно потому, что посланные Отцом Сын и Дух Святой открыли ей Троицу — и не абстрактно, как некое интеллектуальное знание, но как правило ее жизни. Соборность есть связующее начало, соединяющее Церковь с Богом, Который открывает ей Себя как Троица и сообщает свойственный божественному единоразличию модус существования, подает жизнь «по образу Троицы». Вот почему всякое тринитарное догматическое заблуждение неизбежно отражается на понимании соборности Церкви и проявляется в глубоком изменении церковного организма. И наоборот, если какое-либо лицо, группа или целая поместная Церковь изменяет на своих исторических путях совершенному согласию между единством и различием, то такой отход от истинной соборности является верным признаком помрачения знания о Пресвятой Троице.

Если, как это часто случается, в понятии соборности подчеркивают единство, то соборность обосновывается преимущественно догматом о Теле Христовом, и тогда в экклезиологии приходят к христоцентризму; соборность Церкви становится функцией ее единства, универсальной доктриной, всепоглощающим внешним предписанием, вместо того чтобы быть очевидным для всех преданием, всеми, всегда и везде утверждаемым в бесконечном богатстве живого свидетельства. Когда же, напротив, опираясь преимущественно на многообразие в ущерб единству, пытаются положить в основу соборности исключительно Пятидесятницу, забывая, что сошествие Духа Святого совершилось в единстве Тела Христова, это ведет к распаду Церкви: истина, отданная на произвол индивидуального вдохновения многих, становится множественной, а потому относительной...

Основанная на этих двух предпосылках — христологическом единстве и пневматологическом многообразии, друг от друга неотделимых, как Слово и Дух, — Церковь верно хранит свою соборность, через которую в ней осуществляется троичный

догмат. Мы познаем Пресвятую Троицу через Церковь, а Церковь — через откровение Пресвятой Троицы. В свете троичного догмата соборность предстает перед нами как таинственное тождество единства и множественности — единства, которое выражается в многообразии, и многообразия, которое продолжает оставаться единством. Как в Боге нет одной природы вне трех Лиц, так и в Церкви нет абстрактной всеобщности, но есть совершенное согласие соборного многообразия. Как в Боге каждое Лицо — Отец, Сын и Дух Святой — не есть часть Троицы, но всецело Бог, в силу Своей неизреченной тождественности с единой природой, так и Церковь не есть некий союз частей; она соборна в каждой из своих частиц, потому что каждая часть отождествляется с целым, выражает целое, означает то, что означает целое, и вне целого не существует. Вот отчего соборность выражается различным образом в истории Церкви. Поместные Соборы, так же как и Соборы Вселенские, могут предварять свои деяния формулой, сказанной на первом Соборе — апостольском: «изволися Святому Духу и нам»; а такой человек, как свт. Василий Великий, в особенно трудный момент борьбы за догмат мог воскликнуть с кафолическим дерзновением: «Кто не со мной, тот не с истиной». Соборность не знает «частных мнений», не знает поместной или индивидуальной истины. Кафоличесен тот, кто преодолевает индивидуальное, кто освобождается от своей собственной природы, кто таинственно отождествляется с целым и становится свидетелем истины во имя Церкви. В этом и таится непобедимая сила отцов, исповедников и мучеников, а также спокойная уверенность Соборов. Даже если собрание разделяется, если правильно созванный Собор под внешним давлением или ради частных интересов становится в силу человеческой греховности «разбойничьим», как то было в Эфесе, соборность Церкви проявится в другом месте и выразится как Предание, хранимое всегда и везде. Ибо Церковь всегда узнает своих — тех, кто отмечен печатью соборности.

Если Собор, и в особенности Собор Вселенский, является самым совершенным выражением соборности Церкви, ее симфонической структуры, это еще не значит, что непогрешимость его суждений обеспечена одними канонами, определяющими его законность как Собора. Это условие необходимое, но не достаточное: каноны — не какие-то магические рецепты, вынуждающие проявление соборной истины. Искать критерий христианской истины вне самой истины, в канонических формах, — значит лишать истину ее внутренней достоверности и превращать соборность во внешнюю функцию, осуществляемую иерархией, то есть смешивать атрибут соборности Церкви с атрибутом ее апостоличности. Не следует также считать, что соборная истина подчиняется в своем выражении чему-то вроде всеобщего голосования, утверждения большинством: вся история Церкви свидетельствует об обратном. Демократия, понимаемая в этом смысле, чужда Церкви: это карикатура на соборность; Хомяков говорит, что Церковь — не в большем или меньшем количестве ее членов, но в духовной связи, которая их объединяет. Нет места для внутренней очевидности истины, если большинство оказывает давление на меньшинство. Соборность не имеет ничего общего с «общепринятым мнением». Нет иного критерия истины, кроме самой истины. Но истина эта есть откровение Пресвятой Троицы, и именно она сообщает Церкви ее соборность — неизреченную тождественность единства и различия по образу Отца, Сына и Святого Духа, Троицы Единосущной и Нераздельной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прежде всего мы имеем в виду неоправданное использование слова «sobornost» отдельными русскими авторами, не потрудившимися перевести его французским эквивалентом - «catholicité». Пытаются даже давать перевод выражениями «conciliarité», «esprit de concile» [дух собора], «symphonie» [симфония] и т. д. Всё это

ради того, чтобы представить западному читателю непривычную терминологию «Православия на экспорт», стремящегося выглядеть экзотичным, диковинным, недоступным для непосвященных. Видя такое жеманство, нельзя не воскликнуть вместе со славной мольеровской Маротой: «По-христиански надо говорить, коль вы хотите быть понятным!» [слова Мароты, персонажа комедии Мольера «Смехотворные жеманницы». - *Ред.*]. Мы собираемся в точности следовать этому совету в нашей небольшой статье о православном понимании соборности.

Необходимо отметить этимологический смысл слова «соборность». Славянский текст Символа веры очень удачно передает прилагательное греческого оригинала «кафолический» словом «соборный». Хомяков произвел от него неологизм «соборность», совершенно совпадающий с идеей кафоличности, которую он развил в своем труде о Церкви. Но так как славянский корень «собор» означает собрание, и в частности собор, синод, то производные «соборный», «соборность» для русского уха приобрели новый оттенок, что отнюдь не означает, что они утратили от этого свое прямое значение, значение «кафолический», «кафоличность».

² См. *Сщмч. Ириней Лионский. Adversus haereses IV, 20, 1, PG 7, 1032; Ibid. V, 1, 3, PG 7, 1123; Ibid. V, 6, 1, PG 7, 1137; Ibid. V, 28, 4, PG 7, 1200. - Ред.*